

К истории отношений А. Тинякова и М. Зощенко

- ⁷ Рагозина З. А. История Ассирии. От возвышения ассирийской державы до падения Ниневии. СПб., 1902. С. 377–378.
- ⁸ Любое упоминание Лилит в символистской и постсимволистской поэзии почти непременно восходит к решению этого образа у Ф. Сологуба, для которого она — один из центральных персонажей в лирике и прозе.
- ⁹ Тиняков А. (Одинокий). Стихотворения. Томск, 1998. С. 4.
- ¹⁰ У русской Иштар уже тоже была к этому времени приличная традиция — возможно, актуализированная для Тинякова в первой книге его (впоследствии) доброго знакомого Александра Кондратьева, большого знатока ассирийских дел. (Стихотворения А. К. СПб., 1905). Здесь содержится не только стихотворение «Ассирийская песня», но и «Отрывки из древнеассирийской эпической поэмы об Издубаре». Обстоятельный и вдумчивый Кондратьев мог послужить источником библиографии для Тинякова (Брюсов его стихи в рецензии обругал, но в основном за художественные качества, сам же в рецензии цитировал ассирийский эпос большими кусками). Кроме того, стихотворение «Истар» есть у Бунина (1907?), но читал ли его Тиняков — Бог весть. *Информация А. Л. Соболева.*
- ¹¹ Тиняков А. (Одинокий). Стихотворения. Томск, 1998. С. 12.

Как известно, Михаил Зощенко в 1920–1930-е гг. получал сотни писем от безвестных граждан читателей с самыми разными просьбами, предложениями, отзывами на книги и т. д. Одно из них, написанное поэтом Александром Ивановичем Тиняковым (1886–1934)¹, предлагается вниманию читателя настоящей заметки. Знакомство М. Зощенко и А. Тинякова состоялось, по-видимому, в начале 1920-х гг. в Доме Искусств.

Трагическая судьба поэта и литератора, который стал нищим и с 1926 г. ежедневно выходил за милостыней на улицы Ленинграда, необычайно волновала М. Зощенко². В психоаналитической повести «Перед восходом солнца» он вспоминает о трех встречах с Тиняковым и подробно описывает одну из них: «Я помнил его еще до революции, в 1912 г. И потом я увидел его через десять лет. <...> Вся мишура исчезла, ушла. Все возвышенные слова были позабыты. Все горделивые мысли были растеряны. <...> Теперь вместо улыбки был какой-то хищный оскал. Порывшись в своем рваном портфеле, поэт вытащил тоненькую книжечку, только что отпечатанную. Сделав надпись на этой книжечке, поэт с церемонным поклоном подарил ее мне. Боже мой, что было в этой книжечке!»³. Возможно, этот эпизод относится не к 1922, а к 1924 г., так как далее Зощенко цитирует стихи из книжки Тинякова «Его sum qui sum (Аз есмь сущий)» (1924), имевшейся в библиотеке писателя с дарственной надписью: «Михаилу Михайловичу Зощенко с уважением и приветом. Ал. Тиняков. 1. XI. 1924»⁴. Нищенство Тинякова являлось наглядной иллюстрацией и воплощением скрытых страхов Зощенко. Анализ и попытке преодоления в числе других и фобии нищих посвящена значительная часть повести «Перед восходом солнца»: «Я встретил Т. год спустя. Он уже потерял человеческий облик. Он был грязен, пьян, оборван. Космы седых волос торчали из-под шляпы. На его груди висела картонка с надписью: “Подайте бывшему поэту”. <...> Я мог страшиться такой судьбы. Мог страшиться таких чувств. Такой поэзии. Я мог страшиться образа нищего»⁵.

Подробные, хотя и, как кажется, с несколько смещенным акцентом воспоминания о негодовании Зощенко при встрече с Тиняковым, оста-

вил К. И. Чуковский: « — Сколько денег, — сурово спросил он <Зощенко — М. К. > у нищего, — вы добываете в месяц при помощи этой комедии?»

Тот задумался:

— Сорок червонцев.

— Вот Вам двадцать за полмесяца вперед — и сейчас же уходите отсюда! Не позорьте литературу... ступайте! <...> Зощенко, увидев его на обратном пути, потребовал, чтобы он сейчас же ушел и не смел бы возвращаться сюда»⁶.

Зощенко постоянно возвращался к поразившей его судьбе Тинякова⁷. По-видимому, чертами Тинякова наделен главный герой его повести «М. П. Синягин (Воспоминания о Мишеле Синягине)» (1930). «Скромный, мечтательный и деликатный поэт» сначала сочиняет романтические эпигонские стихи под Александра Блока и мечтает о возвышенной любви, но в результате складывающихся несчастных обстоятельств теряет работу, жилье и становится нищим: «Так проходили месяцы и годы. Мишель Синягин побирался и почти всякий день отправлялся на эту свою работу либо к Гостиному Двору, либо к Пассажу»⁸. Отметим, что повесть М. Зощенко начал писать в конце апреля 1930 г., а 2 мая состоялась еще одна встреча писателя с Тиняковым, зафиксированная в дневнике поэта: «Вчера вечером Зощенко дал мне целковый. Д<олжно> б<ыть> это — последняя “писательская” подачка»⁹. С этой точки зрения характерную ошибку допустил К. И. Чуковский в дневниковой записи от 22 апреля 1930 г.: «Я сказал ему <Зощенко — М. К. >, чтобы он поехал в Сестрорецк и кончил бы там свою повесть “Мишель Тинягин”, которую он сейчас пишет»¹⁰.

Публикуемое ниже письмо является свидетельством, по-видимому, одного из последних контактов измученного голодом и нищетой поэта и Зощенко — 17 августа 1934 г. Александр Иванович Тиняков умер в больнице «Жертв революции»¹¹.

А. И. Тиняков — М. М. Зощенко.

6-го июля 1933¹².

Дорогой Михаил Михайлович!

Был я в лагерях, где мне жилось очень хорошо но откуда меня, к сожалению, освободили досрочно¹³; отбывал я затем конец срока, — на положении почти свободного гражданина, — в Саратове, где голодал и бедствовал невероятно. Став полноправным гражданином, я вновь вернулся в Питер и нашел здесь жену, совершенно больную (туберкулез костей), безработную, голодную¹⁴. Попрошайничать на улицах боюсь, —

как бы опять не выслали! Ищу везде работы, есть надежда, что недели через две получу и буду иметь хоть кусок хлеба. Но что делать до тех пор? Невыразимо тяжело отнимать последние крохи у больной женщины, которая и без того много-много для меня сделала.

Вы были в свое время добры ко мне, подавали мне... Но не думайте, что я бессовестный и бесчестный попрошайка по натуре. С краской стыда, с болью в сердце обращаюсь к Вам я сейчас. Если Вы в состоянии, то помогите мне на эти ужасные две недели маленькой суммой (не больше 25 руб.). И если у Вас среди хлама найдутся какие нибудь рваные, никуда не годные брючонки и что нибудь из белишка, это тоже пожертвуйте мне: дошло дело до зареза¹⁵.

Простите меня! Если не отвергнете моей просьбы, то черкните, когда зайти: беспокоить я Вас не буду, возьму и уйду, унося в сердце вечную, неизмеримую благодарность к Вам.

Искренно любящий Вас

Александр Тиняков

Адрес мой: ул. Жуковского, д. 3. кв. 7.

Александр Иванович Тинякову.

Примечания

- ¹ Подробнее о Тинякове см.: *Тиняков А. И.* (Одинокий). Стихотворения / Сост., предисл., коммент. Н. А. Богомолова. Томск-Москва, 2002. С. 3–8.
- ² В анкете 1928 г. Тиняков писал: «С 1926 г., ввиду отсутствия литературной работы, занимаюсь нищенством». (*Варжапетян В.* «Исповедь антисемита», или к истории одной статьи. Повесть в документах // Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 16.). Ср. также с записью в дневнике К. Чуковского от 24 апреля 1926 г.: «Был у меня Тиняков. Принес свою книжку и попросил купить за рубль. Что вы теперь пишете? спрашиваю его. Ничего не пишу. Побираюсь. То есть как? А так, прошу милостыни. Сижу на Литейном. Рубля 2 с полтиной в день вырабатываю. Только ногам холодно. У меня и плакат есть “ПИСАТЕЛЬ”. <...> Это куда лучше литературы. Вот я для журнала “Целина” написал три статьи “о Некрасове”, “о Есенине” и (еще о чем-то), а они ни гроша мне не заплатили» (*Чуковский К. И.* Дневник. 1901–1969. В 2 т. Т. 1. / Подг. текста, коммент. Е. Ц. Чуковской, вступ. ст. В. Каверина. М., 2003. С. 452–453).
- ³ *Зощенко М. М.* Перед восходом солнца // Зощенко М. М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 7 / Сост. и примеч. И. Сухих. М., 2008. С. 234.
- ⁴ *Варжапетян В.* «Исповедь антисемита», или к истории одной статьи. Повесть в документах. // Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 16.
- ⁵ *Зощенко М. М.* Перед восходом солнца // Зощенко М. М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 7 / Сост. и примеч. И. Сухих. М., 2008. С. 237. Об этом см. также: *Жолковский А. К.* Михаил Зощенко. Поэтика недоверия. М., 1999. (по указателю понятий и мотивов).

«Гривенник серебряный в кармане»¹

Слишком часто мы упускаем из виду, что поэт возводит явление в десятизначную степень, и скромная внешность произведения искусства нередко обманывает нас относительно чудовищно-уплотненной реальности, которой оно обладает. Эта реальность в поэзии — слово как таковое.

Осип Мандельштам, «Утро акмеизма»

Речь пойдет о 4-й строке II строфы мандельштамовского стихотворения «Еще далёко мне до патриарха...» (май–сентябрь 1931; впервые опублик. 1961, на родине 1966):

Когда подумаешь, чем связан с миром,
То сам себе не веришь: ерунда!
Полночный ключик от чужой квартиры,
Да гривенник серебряный в кармане,
Да целлулоид фильма воровской.

Строфа у всех на слуху, и некоторые ее интригующие реалии (*ключик от чужой квартиры* и *целлулоид фильма воровской*) убедительно прокомментированы² и поставлены в связь с общей темой стихотворения — амбивалентным приятием советской действительности в лице Москвы как своего рода «иллюзионистск[ого] представлени[я] всего мира»³. Меньше, насколько могу судить, повезло серебряному гривеннику, который, по-видимому, считается самоочевидной деталью и вполне прозрачным словесным оборотом и потому не требует особых комментариев. Однако в свете общих представлений о поэтическом слове и специфически мандельштамовского взгляда на природу Логоса к этой строчке имеет смысл присмотреться внимательнее.

Ее простой — выражаясь языком Мандельштама, «сознательный»⁴ — смысл ясен: небольшого достоинства монетка обещает поэту скромные, но дорогие ему блага, обеспечивающие хрупкую, но драгоценную символическую связь с миром в духе тоски по мировой культуре. Не пускаясь в систематический анализ трактовок Мандельштамом денег вообще и старых и новых монет в частности,⁵ зададимся более целенаправленным вопросом: какие именно услуги с каким именно семанти-

- ⁶ Чуковский К. И. Зоценко // Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 5./ Сост., коммент. Е. Ц. Чуковской. М., 2001. С. 414. Ср. с описанием, по-видимому, этой же встречи в повести «Перед восходом солнца»: «Мне почему-то совестно было подойти к нему. Но он сам окликнул меня. Окликнул громко, по фамилии. Смеясь и хихикая, он стал говорить, сколько он зарабатывает в день<...>Я отдал поэту почти все, что было в моих карманах<...> Через час я снова проходил по этой же улице. К моему удивлению, поэт по-прежнему стоял на углу и, кланяясь, просил милостыню». (Зоценко М. М. Перед восходом солнца// Зоценко М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 7./Сост. и примеч. И. Сухих. М., 2008. С. 236–237.).
- ⁷ Ср. письмо М. Зоценко к Е. Журбиной от 27 марта 1931 г.: «Ну как же со статьей? <...> Третий месяц пошел, дорогая Евг. Ис.! Очень Вы меня огорчаете этим делом. Я бы, конечно, не торопился, но к лету без этого могу остаться без денег. Стану тогда, как Тиняков, у подъезда Вашего дома с протянутой рукой». (Журбина Е. Пути исцеления // Воспоминания о Михаиле Зоценко. СПб., 1995. С. 167).
- ⁸ Зоценко М. М. М. П. Синягин. (Воспоминания о Мишеле Синягине)// Зоценко М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 3./Сост. и примеч. И. Сухих. М., 2008. С. 315.
- ⁹ Дело № П-17349. Архив ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленобласти. Цит. по интернет-публикации Г. А. Морева: <http://kritmassa.livejournal.com/2605.html>.
- ¹⁰ Чуковский К. И. Дневник. 1901–1969. В 2 т. Т. 2. / Подг. текста, коммент. Е. Ц. Чуковской, вступ. ст. В. Каверина. М., 2003. С. 6.
- ¹¹ Варжапетян В. «Исповедь антисемита», или к истории одной статьи. Повесть в документах//Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 16.
- ¹² РО ИРЛИ. Ф. 506. Оп. 3. Д. 406. Л. 4, 4 (об), автограф. В публикации сохранены особенности орфографии и пунктуации оригинала.
- ¹³ Тиняков был арестован за нищенство и публичное чтение контрреволюционных стихов 27 августа 1930 года, 11 ноября осужден на три года лагерей. В Ленинград вернулся в 1933 г. (Кузмин М. Дневник 1934 года. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. Г. А. Морева. СПб., 2007. С. 233). См. также дневниковые записи А. Тинякова от 8 и 15 июня 1930 г.: «8 июня <1930>. Троица. 4 июня поссорился с женой и запил. Попал в милицию за “агитацию” в папиросной очереди. 15 июня <1930>, утро. Тревожусь по поводу ответственности за “агитацию”». Цит. по интернет-публикации Г. А. Морева: <http://kritmassa.livejournal.com/2993.html>.
- ¹⁴ 11 октября 1928 г. А. И. Тиняков женился на Марии Николаевне, урожд. Левиной (Варжапетян В. «Исповедь антисемита», или к истории одной статьи. Повесть в документах. //Литературное обозрение. –1992. № 1. С. 16.).
- ¹⁵ Ср. с просьбой А. Тинякова к Б. Садовскому, 11 ноября 1913 г.: «Не изменили ли Вы мыслей Ваших относительно смокинга? Извините за вопрос, но обносился удовлетворительно» (Варжапетян В. «Исповедь антисемита», или к истории одной статьи. Повесть в документах. //Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 21).